

На правах рукописи

Иванов Сергей Александрович

**Категория владения в гражданском праве: проблемы
теории и практики**

Специальность 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское
право; семейное право; международное частное право

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар
2011

Диссертация выполнена на кафедре гражданского права
ФГОУ ВПО «Кубанский государственный аграрный университет»

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор
Камышанский Владимир Павлович

Официальные оппоненты: доктор юридических наук, профессор
Коршунов Николай Михайлович
кандидат юридических наук
Коломиец Евгений Александрович

Ведущая организация: Краснодарский университет МВД РФ

Защита состоится 24 июня 2011 г. в 12-00 час. на заседании
объединенного диссертационного совета ДМ-220.038.10 при ФГОУ
ВПО «Кубанский государственный аграрный университет» по адресу:
350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный учебный корпус.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Кубанского
государственного аграрного университета по адресу: г. Краснодар,
ул. Калинина, 13.

Автореферат разослан «__» мая 2011 г.

Ученый секретарь
объединенного диссертационного совета
доктор юридических наук,
профессор

В.П. Камышанский

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследуемой темы. Учение о владении принадлежит к числу основополагающих и заслуженно приобрело статус одной из самых сложных проблем гражданского права. В настоящее время в условиях масштабного реформирования гражданского законодательства без решения важных вопросов владения невозможно обойтись.

Более века назад тема владения привлекала к себе умы множества видных цивилистов, отдел о владении проекта книги третьей Гражданского уложения Российской Империи вызвал активную полемику в отечественном юридическом сообществе. Существует высказывание о том, что чем больше во владение вдумываешься, тем больше встает нерешенных вопросов, отделаться от которых уже нет возможности. Дореволюционная литература по исследуемому вопросу достаточно обширна.

Однако владельческая защита в советском и постсоветском гражданском праве все же была утрачена. Забвение теории владения связано с общим упрощением гражданского оборота в советский период развития нашего государства, основанного на монополии государственной собственности на средства производства как экономической основы общества. В 1920–1990-е гг. владельческая тематика в литературе почти не обсуждалась. Действие принципов социалистической законности, установления судом объективной истины, а также требования планового оборота исключали владельческую защиту. Обращение к владельческой тематике в основном происходило для демонстрации ошибочности и порочности буржуазной правовой доктрины. Отход от достижений цивилистической мысли конца XIX – начала XX века, связанный со сменой политического и экономического строя, «безликие» (применительно к вещно-правовым конструкциям) гражданские кодификации 1922 г. и 1964 г. разрушили теорию владения, созданную русскими дореволюционными юристами на основе романо-германской правовой доктрины.

Вместе с тем говорить о том, что насущность владельческой защиты отпала, не приходится: достаточно обратиться к судебной арбитражной практике, которая настойчиво ищет выход из ситуации отсутствия посессорной защиты (вспомнить хотя бы острейшие проблемы соотношения и разграничения виндикационного иска и иска о применении последствий недействительности сделки). Вопросы вызывает и применение ст. 234 ГК РФ (приобретательная давность).

Тот факт, что защита незаконного владения в нашем праве практически не представлена, вовсе не означает, что институт владения и владельческой защиты не нужно изучать. Как раз наоборот, феномен владения и его защиты необходимо исследовать, чтобы понять, нужна ли нам владельческая защита сегодня или таковая необходимость отсутствует. Данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с принятием Концепции развития законодательства о вещном праве РФ, разработчики которой предлагают включить в ГК РФ самостоятельный раздел, посвященный владению и его защите. Мы полагаем, что только комплексное изучение проблем владения (под комплексностью в данном случае следует понимать необходимость обращения к основам проблемы, к общей теории владения, разработанной германскими учеными в XIX в., пристальное изучение тенденций судебно-арбитражной практики и норм действующего законодательства) позволит органично включить нормы, регулирующие владение и владельческую защиту, в действующее российское гражданское законодательство.

Законодатель активно употребляет термин «владение», используя его и за рамками традиционной для русской цивилистики «триады» правомочий собственника, что обуславливает привлекательность исследования существа владения. Многообразие этого правового явления поражает. Владение – это и одно из правомочий собственника и элемент практически всех способов приобретения права собственности. С владением тесно связан ряд обязательственных правоотношений (аренда, хранение, залоговые отношения, доверительное управление). Основание владения (добросовестное приобретение) обсуждается и при разрешении споров о последствиях недействительной сделки. Вопросы владения, рассмотренные под определенным углом (с точки зрения положения личности в частном праве, общественного мира и т. д.), приобретают и вовсе философско-правовой характер.

Можно сказать, что именно та острота, которую сегодня приобрела проблематика владения, предопределила в значительной мере направленность работы. Автор стремился развить глубочайшую мысль известного русского цивилиста И.А. Покровского, высказанную им в начале XX века, – о защите владения как кульминационном пункте идеи личности.

И, наконец, высокая актуальность исследования теоретических и практических проблем категории владения в гражданском праве обусловлена необходимостью дальнейшего совершенствования данного правового феномена на основе детального научного анализа, дифференциации смыслов и критериев определения понятий, а также эффективности правового регулирования отношений, возникающих в сфере владения.

Целью исследования является комплексный анализ категории владения в гражданском праве, а также разработка ряда проблем теоретического и практического характера, связанных с владением и его защитой. Понимая, что одно исследование не в состоянии охватить все проблемы в указанной сфере, автор вынужден остановиться на тех вопросах, которые, по его мнению, наиболее актуальны. Обращение к историческому и сравнительному анализу российского и иностранного законодательства продиктовано необходимостью уточнения существующих и поиска новых подходов в решении сложных вопросов толкования и применения норм права.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих основных задач:

- анализ категории владения в дореволюционном российском и зарубежном законодательстве;
- исследование владения как фактического состояния в современном гражданском обороте;
- особенности владения как элемента содержания права собственности и иных вещных прав;
- выявление сущности и значения владения по приобретательной давности;
- рассмотрение и анализ элементов давностного владения;
- определение сущности и основания защиты владения;
- исследование проблемных вопросов, связанных с применением способов защиты владения;
- разработка предложений по совершенствованию норм современного российского законодательства, регулирующего категорию владения, толкованию и применению существующих норм права.

Объектом исследования является сложный комплекс общественных отношений, возникающих по поводу владения имуществом и защиты такого владения в гражданском праве.

Предметом исследования является юридическая конструкция владения и возможности реализации владельческой защиты по законодательству Российской Федерации. В работе дается анализ нормативных актов РФ, зарубежных кодифицированных актов гражданского законодательства, регулирующих отношения по владению имуществом и защите такого владения.

Методологической основой исследования являются историко-правовой, формально-юридический методы, логический метод, предусматривающий применение индукции, дедукции, анализа и синтеза, технико-юридический метод, предусматривающий толкование норм гражданского права и правовое моделирование.

Теоретическую базу диссертационного исследования составили труды дореволюционных, советских и современных российских и зарубежных ученых в области права, в частности: М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, К.Н. Анненкова, С.Н. Братуся, Е.В. Васьковского, А.М. Винавера, В.В. Витрянского, Д.М. Генкина, А.Г. Гойхбарга, А.М. Гуляева, Г. Дербурга, Д.В. Дождева, Н.Л. Дювернуа, В.В. Ефимова, Р. Зома, О.С. Иоффе, В.А. Камышанского, А.В. Коновалова, О.Г. Ломидзе, М.Г. Масевич, Д.И. Мейера, И.Б. Новицкого, Л.И. Петражицкого, И.А. Покровского, В.А. Рахмиловича, В.А. Рясенцева, О.Н. Садикова, А.П. Сергеева, В.И. Синайского, К.И. Скловского, Е.А. Суханова, Ю.К. Толстого, И.Н. Трепицына, Е.А. Флейшиц, В.М. Хвостова, Б.Б. Черепяхина, Г.Ф. Шершеневича, И.Е. Энгельмана и др.

Эмпирическую основу диссертации составили нормативные акты Российской Федерации, зарубежные кодифицированные акты, Концепция развития гражданского законодательства, а также судебные акты и разъяснения Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ, окружных арбитражных судов, арбитражных судов первой инстанции.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет собой одну из первых работ в науке гражданского права, в которой проблемы категории владения составили предмет самостоятельного комплексного теоретико-правового исследования, опирающегося на современное российское гражданское законодательство.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Под владением в гражданском праве следует понимать исключительно фактическое обладание вещами, позволяющее субъектам гражданских правоотношений распространять на них свое господство, которое обеспечивает необходимую и достаточную власть для спокойного использования (хозяйственной эксплуатации) вещи независимо от способа вступления в фактическое обладание. Юридическое значение владения как фактического состояния заключается в том, что оно подлежит судебной и административной защите.

2. Применительно к действующему российскому гражданскому законодательству нет необходимости особо выделять волевой элемент в составе владения, поскольку наличие воли на обретение господства над вещью не должно иметь правового значения с учетом специфики владения как фактического отношения. В связи с этим следует отказаться от волевого критерия оценки законности владения и использовать в данных целях критерий соответствия требованиям законодательства обстоятельств, при которых возникло владение.

3. Для приобретения владения и получения в последующем права на его защиту владельцу не обязательно обладать дееспособностью, поскольку владение не является правом и в отношении недвижимости не подлежит регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Владение возникает исключительно в результате фактических действий, в том числе в отношении вещи, никому не принадлежащей на праве собственности (например, самовольной постройкой).

4. Обосновывается вывод о том, что нет необходимости закреплять в ГК РФ правовую конструкцию двойного владения, включающую в себя владение опосредованное и непосредственное, а также противопоставлять владение и держание, что позволило бы упростить применение владельческой защиты. При введении владельческой защиты предлагается ограничить круг лиц, которым предоставляется виндикационный иск, только собственником и обладателем иного титульного права.

5. Действие института приобретательной давности следует распространить на недобросовестных владельцев, увеличив сроки давности (как это закреплено во Французском гражданском кодексе и предусматривалось проектом Гражданского уложения Российской империи), что позволит включить в гражданский оборот поступившее в недобросовестное владение имущество и создать имущественный интерес в его эксплуатации со стороны владеющих им лиц (в том числе несобственников).

6. Под защитой владения следует понимать совокупность мер, определенных законом и позволяющих владельцу вещи защищать свое владение от самоуправных посягательств, а также требовать восстановления владения, нарушенного путем такого посягательства. Объектом защиты в данном случае будет являться законный интерес владельца в недопущении самоуправных посягательств на вещь.

7. Предлагается следующая система способов защиты владения. Защита может быть юрисдикционной и внеюрисдикционной (включая самозащиту владения). Юрисдикционная защита владения может быть активной и пассивной. Активная защита владения – требования о прекращении нарушений владения и восстановлении нарушенного владения, облеченные в форму владельческих (посессорных) исков. В посессорном процессе истец не обязан доказывать право на вещь, он должен лишь доказать факт владения вещью и факт его самоуправного нарушения ответчиком. Пассивные способы владельческой защиты предусматривают права владельца на превентивную самозащиту. Кроме того, к пассивной защите владения следует отнести возражения владель-

ца о добросовестности приобретения владения (ограничение виндикации) и приобретении права собственности на вещь, являющуюся предметом спора. Право собственности в этой ситуации может возникнуть как следствие истечения срока приобретательной давности либо вследствие приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя.

8. Опыт развития европейской цивилистической традиции показывает, что «трехуровневая» система юрисдикционной защиты владения (защита владения как факта, защита добросовестно приобретенного владения, защита владения собственника или иного обладателя вещного права посредством классической виндикации) наиболее адекватно отвечает задачам правового регулирования развитого оборота. Выпадение хотя бы одного из звеньев этой цепи невозможно компенсировать расширением сферы применения других инструментов юридической защиты владения, сконструированных на иных доктринальных основаниях. Между указанными элементами существует тесная внутренняя связь, выражающаяся в том, что во всех трех случаях защите подлежит законный интерес владельца в недопущении самоуправных действий в отношении вещи. При этом охраняемый законом интерес владельца может быть связан с вещным правом (упрощенная оперативная защита владения собственника или обладателя иного вещного права), предшествовать возникновению вещного права (защита добросовестно приобретенного владения) либо вовсе носить самостоятельный характер по отношению к вещному праву (защита фактического владения).

9. Закрепление института владельческой защиты в российском гражданском праве позволит укрепить гражданский оборот, не допустить произвольного лишения участников гражданского оборота владения вещами, даже если оно и не основано на правовом титуле. В конечном счете, наличие владельческой защиты приведет к упрочению права собственности, поскольку позволит собственнику защититься от самоуправных действий третьих лиц в упрощенном порядке при отсутствии необходимости доказывать свое право на вещь.

10. Применительно к российскому гражданскому законодательству, содержащему два последних уровня владельческой защиты, следует «замкнуть цепь» посредством введения защиты владения от насильственных самоуправных посягательств, построенного по модели деликтного правоотношения, где будет защищаться любое владение (титульное и беститульное) как факт. Для данного иска надлежащим ответчиком будет то лицо, которое самоуправно захватило или нарушило чужое владение.

Практическая значимость диссертационного исследования определяется его актуальностью и новизной. Полученные в результате исследования выводы могут быть использованы в процессе совершенствования гражданского законодательства в части регламентации владения, а также в правоприменительной практике, научных и учебных целях.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации обсуждены и одобрены на заседании кафедры гражданского права Кубанского государственного аграрного университета, обсуждались в рамках научно-практических конференций. Результаты исследования получили применение в практике Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа.

По теме диссертации опубликованы девять научных статей в различных журналах, в том числе три – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования, необходимостью системного изучения теоретических и практических проблем категории владения в гражданском праве.

Диссертация состоит из введения, трех глав, объединяющих семь параграфов, заключения и библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертационного исследования, определены его цель и задачи, дана общая характеристика методологической основы исследования, его теоретической и практической значимости, отражены результаты апробации результатов исследования. В аннотированном виде излагаются основные положения диссертации, выносимые на защиту ее автором, обосновано практическое значение полученных результатов и форм их дальнейшего использования.

Первая глава «ПОНЯТИЕ И ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КАТЕГОРИИ “ВЛАДЕНИЕ”» посвящена исследованию исторического развития института владения, а также закрепления категории владения в законодательстве зарубежных стран и современном российском гражданском законодательстве. Владение рассматривается в двух аспектах: как фактическое состояние и как элемент содержания права собственности и иных вещных прав.

В первом параграфе «Категория “владение” в дореволюционном российском и зарубежном гражданском законодательстве» категория владения рассмотрена в ее историческом развитии.

Дореволюционное российское законодательство не содержало ни понятия владения, ни способов его приобретения, воспрещая лишь самовольное завладение. В решениях Сената присутствуют различные попытки определить сущность владения, зачастую характеризующее посредством терминов «действительное» или «фактическое владение».

В проекте Гражданского уложения Российской империи владение рассматривалось как «правовое состояние», служащее источником некоторых прав, важнейшими из которых являлись посессорная защита и приобретение имущества на основании давности.

В дореволюционном российском гражданском праве владение рассматривалось в трех аспектах:

1) владение как существенный признак права собственности (владеть вечно и потомственно), причем владение получает значение, равносильное самому праву собственности, и под словом «владелец» понимается собственник;

2) владение как особое право, выделенное из права собственности на основании законного акта (неполное право собственности без права распоряжения);

3) владение как факт действительного держания имущества во власти лица; факт, независимый от права (в некоторых случаях и противоположный праву), но несмотря на это, признаваемый законом, временно пользующийся защитой и при известных условиях являющийся источником прав (например, право на сохранение доходов).

Применительно к зарубежному законодательству к понятию владения характерен подход либо с позиции субъективной теории, известной со времен римского права, либо объективной теории, возникшей в начале XX в. В соответствии с субъективной теорией владельцем считается лишь тот, кто имеет намерение владеть вещью для себя. К числу таких лиц принадлежат в первую очередь собственники имущества – законные владельцы, а также незаконные владельцы – лица, владеющие чужим имуществом, однако добросовестно или недобросовестно полагаящие себя его собственником. Те же, кто получил имущество на время по договору с собственником (например, арендаторы, хранители, перевозчики), владельцами не считаются. Они рассматриваются как держатели от чужого имени, а их отношение к вещи не имеет юридического значения. К началу XX в. произошел переход от субъективной римской

теории владения к объективной, признающей достойными абсолютной защиты и держателей (ФРГ, Швейцария). Вместе с тем четкое разделение владения и держания по-прежнему сохранено в Гражданских кодексах Франции, Италии, Нидерландов, Квебека.

Дискуссионным является вопрос о структуре владения. В римском праве состав владения образовывался сочетанием двух элементов: владельческой воли и факта обладания вещью. При этом под владельческой волей понималась воля, направленная на владение вещью как своей собственной. В дальнейшем наметился отход от подобной трактовки владельческой воли, ее стали трактовать в смысле «владение вещью для себя». Европейское гражданское законодательство исключает требование наличия волевого элемента в составе владения. На наш взгляд, применительно к действующему российскому гражданскому законодательству нет необходимости особо выделять волевой элемент в составе владения, поскольку наличие воли на обретение господства над вещью, учитывая специфику владения как фактического отношения, не должно иметь правового значения. В связи с этим следует отказаться от волевого критерия оценки законности владения и использовать в данных целях критерий соответствия обстоятельств приобретения владения требованиям законодательства.

Что касается вопросов расположения норм о владении в структуре кодифицированных актов гражданского законодательства, то в ряде зарубежных стран нормы о владении выделены в самостоятельный раздел (например, в Германии, Франции, Италии, Швейцарии, Испании, Нидерландах, Азербайджане, Грузии). В других странах (например, в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане) существует общая норма о защите владения и отсутствует какой-либо систематизированный массив норм о владении и владельческой защите, что связано с влиянием советских традиций гражданского права.

Действующее российское законодательство не содержит норм о владении и владельческой защите, что, по мнению разработчиков Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, следует признать одним из серьезных недостатков ГК РФ. В связи с этим предлагается включить в ГК РФ отдельную главу, посвященную вопросам владения и его защиты, разместив ее непосредственно перед главой о праве собственности.

Во втором параграфе «Владение как фактическое состояние» исследуется дискуссионный вопрос о правовом, или фактическом, характере владения.

В гражданско-правовой науке владение обычно понимается как фактическое господство лица над вещью. В зависимости от взглядов на основание защиты владения разные авторы добавляют в это определение указание на намерение присвоения вещи, независимое от права на вещь и способа его присвоения. Владение в гражданском праве определяется в трех аспектах.

1. Владение традиционно включается в состав «триады правомочий» собственника. Владение вещью в данном случае выступает в качестве необходимого условия для осуществления права собственности по отношению к вещи. Рудольф фон Йеринг по этому поводу очень образно сравнил собственность без владения с кладовой без ключа, фруктовым деревом без лестницы, которая необходима, чтобы срывать плоды. Современные авторы определяют правомочие владения как юридически обеспеченную возможность собственника осуществлять хозяйственное господство над вещью или как основанную на законе возможность иметь у себя данное имущество. Без владения невозможно реализовать иное правомочие собственника – пользование вещью, а в большинстве случаев затрудняется и распоряжение вещью. Особое значение владения как составной части права собственности подтверждается и наличием специального (виндикационного) иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

2. Установление господства, обретение фактической власти над вещью – необходимый элемент практически всех первоначальных способов приобретения права собственности (например, переработка, сбор общедоступных вещей, находка, клад). Это же можно сказать и о способах производных: одного договора о переходе права собственности от одного лица к другому недостаточно для возникновения права собственности у приобретателя, оно возникает лишь с передачей владения вещью на основании договора (традиция). Установление подобного правила оправданно, ведь возможность продавца передать вещь означает ее наличие у него и тем самым обеспечивает саму сделку. Наиболее отчетливо необходимость и значение элемента владения проявляется при возникновении права собственности в силу давности владения.

3. Особое значение в праве имеет владение, независимое от права на вещь, т. е. собственно фактическое господство лица над вещью (например, владение недвижимым имуществом лицом, чье право на объект не заре-

гистрировано в установленном законом порядке; владение вещью, полученной по недействительной сделке; владение украденной вещью). Такому господству (как правомерному, так и неправомерному) придается юридическое значение, и оно пользуется юридической защитой.

В науке давно ведется спор относительно природы и сущности владения: является ли владение фактом или же владение есть право. Взгляда на владение, как на право, придерживались Э. Ганс, Г.Ф. Пухта, Р. фон Иеринг, Г. Ленц, Э.И. Беккер, К.Д. Кавелин, Г.Ф. Шершеневич, В.М. Хвостов, Д.В. Дождев. Сторонниками фактического характера владения являлись Г. Дернбург, Б. Виндшейд, Д.И. Мейер, В.И. Синайский, Е.В. Васьковский, К.И. Скловский.

В обоснование данной позиции различными авторами приводятся следующие доводы: а) владелец противопоставляется собственнику именно как фактический обладатель вещи; б) владение, будучи фактом, порождает правовые последствия; в) наличие защиты владения не доказывает его правового характера, так как приведенная формула («за всяким иском стоит право») имеет римские корни, а в Риме владение защищалось не иском, а административным средством – интердиктом.

На наш взгляд, современное российское гражданское право дает больше оснований считать владение скорее фактом, нежели правом. Например, в ст. 302 ГК РФ законодатель говорит о чужом незаконном владении. На наш взгляд, это лишний раз подтверждает, что беститульное владение (а спор, по сути, идет о квалификации именно такого владения) есть факт, ведь право не может быть незаконным. Фактическая, а не правовая сущность владения проявляется, например, в обосновании позиции добросовестного приобретателя и оценке давностного владения. Так, из текста п. 2 ст. 234 ГК РФ следует, что основанием иска о защите давностного владения является указание на факт владения имуществом как своим собственным. Обоснование титула (т. е. права на вещь) закон не требует. Противопоставление позиции давностного владельца праву собственности (наиболее отчетливо это проявляется при разрешении виндикационного спора) наглядно демонстрирует «беститульность», неправовую сущность такого владения. Разработчики Концепции развития гражданского законодательства также считают, что владение следует урегулировать как факт (фактическое отношение); в противном случае невозможно найти место владению в системе институтов вещного права. Если изначально владение трактовать как право, то оно будет пересекаться со многими другими вещными правами.

Под владением в гражданском праве следует понимать исключительно фактическое обладание вещами, позволяющее субъектами гражданских правоотношений распространять на них свое господство, которое обеспечивает необходимую и достаточную власть для спокойного использования (хозяйственной эксплуатации) вещи независимо от способа вступления в фактическое обладание. Юридическое значение владения как фактического состояния заключается в том, что оно подлежит судебной и административной защите. Только при таком подходе возможно разграничение законного (титульного) и незаконного (беститульного) владения.

Поскольку владение не является правом, а исключительно фактическим отношением, оно доступно недееспособным, в отношении недвижимости не подлежит регистрации в Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество и сделок с ним, приобретается исключительно фактическими действиями. Возможно владение вещью, которая никому не принадлежит на праве собственности (например, самовольной постройкой). Следовательно, для приобретения и последующей защиты владения не обязательно обладать дееспособностью.

В третьем параграфе «Владение как элемент содержания права собственности и иных вещных прав» владение рассматривается как одно из правомочий собственника либо обладателя иного вещного права.

В п. 1 ст. 209 ГК РФ правомочия собственника раскрываются с помощью традиционной для русского гражданского права триады правомочий: владения, пользования и распоряжения. Под правомочием владения понимается основанная на законе (т. е. юридически обеспеченная) возможность иметь у себя данное имущество, содержать его в своем хозяйстве (например, фактически обладать им, числить на своем балансе).

Как известно, в ряде случаев правомочиями владения и пользования могут обладать и не собственники (например, арендатор, хранитель, лизингополучатель, залогодержатель и другие лица, получившие возможность владеть и пользоваться имуществом на основании договора с собственником). Дискуссионным является вопрос о характере этих правомочий и их соотношении с правомочиями собственника. Так, неоспорим тот факт, что после передачи вещи арендатор приобретает фактическую власть над ней (тогда как собственник ее теряет). В период действия данного договора собственник не может самостоятельно использовать свое имущество либо передавать его другим лицам. Как и все третьи лица, он не вправе каким-либо образом препятствовать арендатору владеть и пользоваться переданным имуществом на условиях, предусмотренных договором. Таким образом, правомочие владения

(пользования) может отделяться от состава права собственности и передаваться собственником (в силу того или иного основания) другому лицу. Если следовать такому подходу, следует признать, что владельцем (пользователем) вещи в случае такой передачи, традиции правомочий может быть только одно лицо – ее фактический владелец. В принципе основание для такого вывода может дать заложенное в самом законе правило. Согласно ст. 209 ГК РФ собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые действия, не противоречащие закону, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения.

В отношении одной и той же вещи оказываются сосуществующими два правомочия владения – владение собственника и фактического владельца. Существуют несколько возможных способов согласования такого признания двух лиц владельцами одной вещи с исходной посылкой владения как фактического господства над имуществом.

Первый путь заключается в необходимости учитывать, что в правомочии владения помимо фактического момента существует и волевой момент. Современное отечественное гражданское право не знает такого разделения владения по волевому признаку, например, владение для другого лица (точнее, держание в интересах собственника) или фактическое владение найденной вещью, вещами, от которых собственник отказался, кладом, бесхозными вещами и безнадзорным скотом (п. 2 ст. 225 ГК РФ), которое по сути незаконно. В перечисленных случаях ГК РФ не предоставляет лицу, чьи интересы в большей степени затронуты утратой вещи, фактическому владельцу, упрощенного порядка восстановления нарушенного состояния на основании установления судом лишь факта владения и его произвольного нарушения, хотя необходимость в такой защите, безусловно, имеется.

Другой путь сосуществования двух правомочий владения – собственника и иного владельца – заключается в том, что следует, наоборот, отбросить указанный волевой момент и назвать владельцами тех, кто владеет вещью «не для себя». Примером тому может служить конструкция двойного (опосредованного и непосредственного) владения, закрепленная в германском гражданском праве, где владельцами законодательно признаны иные лица, кроме собственников, владеющие имуществом на основании договора, т. е. без намерения относиться к вещи как к своей. Владение собственника осуществляется или опосредуется через владение договорного владельца. Подобно тому как собственник, передавая вещь во владение другого лица, не лишается

собственности, так и не происходит лишения его права или возможности владения, несмотря на то, что вещь уже не находится в его хозяйственном господстве. Практический смысл этой конструкции состоит в том, что и непосредственный, и опосредованный владелец (т. е. собственник) обладают целым арсеналом средств защиты своих правомочий.

Некоторые авторы предлагают закрепить в российском гражданском праве «вертикальную» структуру владения, аналогичную германскому институту двойного владения, с признанием тем самым одновременного существования владения собственника и владения фактического держателя вещи. На наш взгляд, нет необходимости закреплять в ГК РФ правовую конструкцию двойного владения, включающую в себя владение опосредованное и непосредственное, а также противопоставлять владение и держание, что позволило бы упростить применение владельческой защиты. При введении владельческой защиты предлагается ограничить круг лиц, которым предоставляется виндикационный иск, только собственником и обладателем иного титульного права.

Вторая глава «ВЛАДЕНИЕ ПО ПРИОБРЕТАТЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ» посвящена исследованию института владения по приобретательной давности, условий и сферы его действия, а также некоторым проблемам владельческой защиты до приобретения права собственности по давности владения (ст. 234 ГК РФ).

В первом параграфе «Сущность и значение давностного владения» проанализированы нормы, регулирующие институт приобретательной давности, являющейся эффективным средством преодоления неопределенности отношений в сфере имущественного оборота в ситуации разрыва между владением фактом и владением правом.

Приобретательная давность является древнейшим механизмом, обеспечивающим нормальное функционирование гражданского оборота. Достижение в интересах конкретных субъектов и общества в целом «определенности юридических отношений по фактическому владению посредством превращения владения в право собственности»¹ – вот цель и назначение института давностного владения. Иными словами, приобретательная давность является эффективным средством, позволяющим преодолевать неопределенность отношений в сфере имущественного оборота в ситуации разрыва между фактом и правом. Институт давности

¹ Гражданское уложение. Т. 1. Проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения / под ред. И.М. Тютрюмова. СПб., 1910. С. 764.

стного владения знаком законодательству большинства развитых стран и служит определенным показателем социально-экономического развития общества. Чем более детально регламентирован данный институт, тем более защищены интересы отдельных участников имущественных отношений, а следовательно, и интересы общества в целом.

Необходимо различать приобретательную давность в узком и широком смысле. Под приобретательной давностью в узком смысле следует понимать срок, по истечении которого давностный владелец приобретает право собственности на вещь, находящуюся в его владении. В широком смысле – способ приобретения права собственности включает в себя ряд условий, при соблюдении которых давностный владелец становится собственником вещи. В институт приобретательной давности включаются также нормы, предоставляющие давностному владельцу возможность защищать свое владение от посягательств третьих лиц.

На наш взгляд, причины происхождения приобретательной давности следует искать в необходимости предотвратить выбытие объектов гражданских прав из оборота и создать имущественный интерес в их надлежащей эксплуатации со стороны владеющих ими лиц (в том числе несобственников).

Рассуждая таким образом, можно сделать следующий вывод: коль скоро собственник не намерен эксплуатировать вещь, но есть лицо, извлекающее из нее плоды и доходы, то интересы оборота требуют от законодателя предоставить такому лицу должную правовую защиту его имущественного интереса, а затем – и возможность приобрести право собственности на вещь.

Значение владения по приобретательной давности сводится к следующим положениям.

1. Большинство авторов рассматривают приобретательную давность как способ приобретения права собственности беститульным владельцем на ранее не принадлежащую ему вещь вследствие истечения установленного законом срока. Ключевым здесь является указание на беститульность владения. Действительно, в жизни бывает немало случаев, когда имущество находится в обладании лица, не имеющего на него никаких прав, однако данное лицо в течение длительного времени осуществляет его использование с рачительностью собственника, не только извлекая плоды и доходы, но и неся бремя его содержания. Не обладая правом собственности на вещь, данное лицо лишено юридической возможности каким-либо образом ею распоряжаться. В то же время невладеющий собственник не проявляет заинте-

ресованности в возврате принадлежащего ему имущества. Совершенно справедливо в этой ситуации предоставить лицу возможность приобрести право собственности на находящуюся в его обладании вещь (естественно, при соблюдении довольно жестких условий) и тем самым ликвидировать «разрыв между фактом и правом».

2. Ряд авторов (например, С.И. Вильнянский, К.П. Победоносцев) рассматривают приобретательную давность исключительно как способ доказательства уже существующего права. Конечно, приобретательная давность имеет очень важное доказательственное значение в случаях, когда в силу каких-либо причин (например, потери правоустанавливающего документа) собственнику крайне затруднительно доказать свое право. Но на этом основании не следует рассматривать приобретательную давность единственно как способ доказательства. Иначе следует признать, что если будет доказано отсутствие у давностного владельца титула собственника, то право собственности у него так и не возникнет.

3. Наконец, важное значение приобретательной давности состоит в том, что в силу п. 2 ст. 234 ГК РФ лицо, владеющее «для давности», имеет преимущество перед другими лицами, также не обладающими каким-либо титулом владения. Отсюда следует, что в условиях отсутствия в нашем законодательстве полноценного института владельческой защиты приобретательная давность призвана в какой-то мере восполнить ее недостаток.

Во втором параграфе «Элементы давностного состава» детально проанализированы необходимые и достаточные условия для возникновения права собственности по приобретательной давности.

Для правильного определения сферы применения ст. 234 ГК РФ следует определить условия, при которых допускается приобретение права собственности по давности владения. Закон требует, чтобы лицо, претендующее на приобретение права собственности по давности, добросовестно, открыто и непрерывно владело недвижимым имуществом как своим собственным в течение 15 лет либо иным имуществом – в течение 5 лет. В судебно-арбитражной практике также предприняты попытки перечисления элементов давностного состава путем их дихотомичного деления на объективные (длительное, непрерывное и открытое владение) и субъективные (добросовестное владение и владение имуществом как своим собственным).

Одним из условий возникновения права собственности по приобретательной давности является добросовестное владение. Термин «доб-

росовестность» используется в гражданском законодательстве в двух основных значениях. Как правовой принцип добросовестность означает «осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное выполнение своих обязанностей и пр. В этом смысле она может быть отождествлена с каждым из этих качеств или с их комбинацией, но не может быть исчерпывающим образом определена. Термин «добросовестность» употребляется в законе и в более узком (специальном) значении как такое состояние воли лица, которое характеризуется извинительным незнанием объективных препятствий к достижению преследуемой цели, прежде всего, приобретению частного права. Именно в узком смысле добрая совесть владельца учитывается законодателем в рамках приобретательной давности, когда предметом выбора выступает баланс между динамичностью и обеспеченностью оборота, реализуемых через добрую совесть, и стабильностью прав, которым добрая совесть противостоит.

На наш взгляд, добросовестность давностного владельца исключена в случае, когда он знал или должен был знать, что приобрел вещь от лица, неуправомоченного на ее отчуждение. По истечении исковой давности собственник не может истребовать вещь из чужого незаконного владения (конечно, если приобретатель заявит о пропуске срока исковой давности), но недобросовестный владелец не может стать собственником по давности владения. Возникает негативная для гражданского оборота ситуация, когда незаконным владельцем без перспектив легализации является одно лицо, а номинальным собственником – другое.

В связи с этим диссертант предлагает распространить действие института приобретательной давности на недобросовестных владельцев с увеличением сроков давности. Например, проект Гражданского уложения Российской империи предусматривал, что при недобросовестном владении срок приобретательной давности удваивается (ст.ст. 909, 910). По Французскому гражданскому кодексу недобросовестный приобретатель движимых и недвижимых вещей, в том числе вор, может стать собственником по давности владения (ст. 2262). Возможность собственника истребовать вещь в пределах срока исковой давности устраняет сомнения в разумности и справедливости предоставления права собственности недобросовестному владельцу.

Увеличение сроков давности в отношении недобросовестных владельцев позволит включить в гражданский оборот имущество, поступившее в недобросовестное владение, и создать имущественный

интерес в его эксплуатации со стороны владеющих им лиц (в том числе несобственников).

Владельческая защита, предусмотренная п. 2 ст. 234 ГК РФ, не требует доказывания каких-либо обстоятельств приобретения вещи, в том числе добросовестности. Во-первых, требование таких доказательств нивелирует институт владельческой защиты. Во-вторых, освобождение от доказывания основания приобретения вещи является одной из наиболее важных черт институтов владельческой защиты и приобретательной давности, что отвечает интересам не только участников оборота, но и собственников, которые могут воспользоваться владельческим средством защиты при утрате доказательств своего права. В-третьих, требовать от истца доказательств добросовестности нельзя в силу презумпции добросовестности (если мы признаем наличие такой презумпции в гражданском праве России). Не случайно в п. 2 ст. 234 ГК РФ не повторяются все условия для приобретения права собственности, кроме владения вещью как своей собственной.

Третья глава «ВЛАДЕЛЬЧЕСКАЯ ЗАЩИТА» посвящена исследованию основания и инструментария посессорной защиты.

В первом параграфе «Понятие и основания защиты владения» рассмотрены теоретические взгляды на сущность и основание защиты владения. Автор исследует историческое развитие посессорного иска, возникшего из преторского интердикта. Кроме того, в данном параграфе проведен анализ причин появления и правового обоснования защиты беститульного владения.

Суть владельческой защиты состоит в том, что ни истец, ни ответчик не могут ссылаться на свой титул, право собственности либо иное право, предоставляющее владение, равно как и ссылаться на отсутствие такого титула у другой стороны. Общая точка зрения на причины появления посессорной защиты, объясняющей этот сложнейший для понимания правовой феномен, до сих пор отсутствует.

Основные воззрения теоретиков гражданского права сводятся к следующему.

1. Деликтная теория (Ф.К. фон Савиньи) основана на том, что преторская защита владения связана с защитой личности от деликта. Против этого воззрения обычно возражают, что посягательство на владение не всегда связано с посягательством на владельца, утрата владения возможна и ненасильственным путем (например, посредством кражи).

2. Проприетарная теория или «новая теория владения» (Р. фон Иеринг) предполагает защиту владения как видимости собственности; владение здесь выступает как «форпост собственности». Отмечая, что в огромном большинстве случаев владение и право собственности совпадают в одном лице хозяйствующего субъекта, Р. фон Иеринг сделал вывод о возможности предполагать с большой долей вероятности во владении наличие правового титула собственника. В то же время с учетом интенсивности гражданского оборота, в условиях которого процесс доказывания правового титула весьма часто усложнен и носит громоздкий характер, собственники заинтересованы в упрощенной защите их правомочий, что и достигается посредством предоставления им посессорной защиты. Защита незаконного владения – не цель владельческого института, а его неизбежное следствие. Анализ взглядов Р. фон Иеринга на обоснование защиты владения позволяет сделать вывод, что он впервые перенес центр тяжести проблемы исключительно в частноправовую сферу, благодаря чему посессорная защита владения получила возможность выступать как подлинно цивилистический институт.

К теории Иеринга примыкают взгляды К.А. фон Вангерова, считающего владение фикцией собственности: защита предоставляется владельцу постольку, поскольку он является фиктивным собственником.

Против этой точки зрения можно возразить, что владельческая защита дается и против собственника, причем его ссылки на право собственности в посессорном процессе не принимаются во внимание. Выдвигается и такое возражение: тезис Р. фон Иеринга «Где нет собственности – там нет и владения» не согласуется с данными положительного законодательства (в частности, германского).

3. Волевая (абсолютная) теория (К.Г. Брунс) основана на том, что при защите владения защищается воля владельца, причем она защищается согласно общей природе воли, реализованной в обладании вещью. Однако остается неясным, почему воплотившаяся воля одного лица (прежнего владельца) должна превалировать над волей другого лица, стремящейся воплотиться во владение вещью. Теория К.Г. Брунса представляется наименее обоснованной из всех точек зрения, высказанных относительно основания защиты владения.

Другой представитель волевой теории основания владения – Э. Ганс рассматривал два волевых аспекта владения: субъективную волю владельца и объективную общественную волю, признающую владение. При несовпадении их (т. е. при наличии только субъективной воли) владение подлежит защите, поскольку индивидуальная воля как субстанциональное явление также значима и не подлежит защите

только при явном противоречии общественной воле (с точки зрения Э Ганса, во владении реализуется единичная воля, в праве собственности – общая; владение понималось им как право).

4. Посессорная теория (Г.Ф. Пухта) основана на следующих посылах. Рассматривая волю личности как объект права, Г.Ф. Пухта понимал владение как непосредственное выражение личности, поскольку воля в нем выступает как объект, то она подлежит защите. Двойственную природу владения он раскрывает следующим образом: владение как осуществление права собственности (т. е. фактическое состояние, соответствующее праву собственности как юридическому отношению) является одновременно и правом, которое заключается в «естественном подчинении вещи» субъекту и занимает место между правом личности и правом собственности. Посредством владельческого иска охраняется владение ради него самого, охраняется чистый факт юридического владения и благодаря именно этому владение делается правом.

5. Теория защиты общественного мира (Г. Дернбург) базируется на том, что владение есть наличный порядок общественных отношений, наличное распределение благ, состоящих в вещах. Произвольное нарушение этих отношений может привести к неисправимому замешательству, поэтому одним из условий организованного общежития выступает неприкосновенность нашего непосредственного имущественного положения (наличного владения), которая не менее необходима для существования гражданского общества, чем защита прав. К взгляду Г. Дернбурга тесно примыкает «теория гражданского мира» Ф. Эндеманна и взгляды И.А. Покровского.

На наш взгляд, данная теория является наиболее адекватной и соответствует сущности владения как фактического состояния. Идея защиты общественного мира легла в основание защиты владения в нормах Германского гражданского уложения (1896 г.) и Швейцарского гражданского уложения (1907 г.).

Из множества теорий об основании защиты владения разработчики Концепции развития гражданского законодательства РФ избрали так называемую теорию гражданского мира, согласно которой назначение владельческой защиты – это борьба с насильственными самоуправными действиями. Одним из результатов применения владельческой защиты действительно может стать устранение последствий самоуправных действий по захвату чужого имущества. Вместе с тем вряд ли стоит выстраивать концепцию владения исключительно на данном основании. Необходимо отметить, что защита от самоуправных действий не явля-

ется основной целью гражданского права как отрасли частного права, поскольку охрана общественного порядка, нарушением которого является самоуправство, – задача права публичного. Поэтому вполне достаточно указать, что сохранение общественного порядка является побочным эффектом при применении владельческой защиты. На наш взгляд, существует иное, гораздо более приемлемое основание защиты владения частноправового происхождения. Учитывая, что к настоящему времени владельцами признаются не только собственники, но и арендаторы, хранители и др., можно прийти к выводу, что защита владения – не что иное, как защита самого вещного права, однако упрощенная (так как не требует доказывания существования этого права) и предварительная (с одной стороны, может быть опровергнута петиторными заявлениями ответчика, а с другой – не предreshает еще вопрос о праве, который может быть разрешен в другом процессе, решение по которому может оказаться и противоположным).

На основе исследованного материала автор сделал следующие выводы.

Основанием защиты владения является защита гражданского мира через неприкосновенность имущественной сферы лица, состоящего в фактической связи с вещью. Как мы отмечали ранее, данный вывод органично вписывается в представления о характере частного права, выражающиеся в глубоком, органическом единении начал частного права и естественных прав человека.

Под защитой владения следует понимать совокупность мер, определенных законом, позволяющих владельцу вещи защищать свое владение от посягательств, а также требовать восстановления владения, нарушенного путем незаконного посягательства. Защита владения может быть судебной и внесудебной. К последней форме защиты относится самозащита владения. Действующим законом допускается самозащита беститульного добросовестного владения, но не против собственника (ст. 234 ГК РФ). Статьи 12 и 14 ГК РФ говорят о самозащите прав, а добросовестное владение имуществом правом не является.

Основная причина появления института владельческой защиты в гражданском праве – необходимость укрепления гражданского оборота, недопущение произвольного лишения участников гражданского оборота владения вещами, даже если оно и не основано на правовом титуле. В конечном счете наличие владельческой защиты приведет к упрочению права собственности, поскольку позволит собственнику защититься от

самоуправных действий третьих лиц в упрощенном порядке при отсутствии необходимости доказывать свое право на вещь.

Во втором параграфе «Способы защиты владения» определены гражданско-правовые меры, посредством которых возможна защита владения.

Автор предлагает следующую систему способов защиты владения. Защита может быть юрисдикционной и внеюрисдикционной. Юрисдикционная защита владения может быть активной и пассивной. Активная защита владения – требования о прекращении нарушений владения и восстановлении нарушенного владения, облеченные в форму владельческих (посессорных) исков. В посессорном процессе истец не обязан доказывать право на вещь, он должен лишь доказать факт владения вещью и факт его самоуправного нарушения ответчиком.

Действующее российское законодательство не содержит полноценных норм о владельческих исках. Иск, упомянутый в ст. 234 ГК РФ, можно считать владельческим лишь с некоторой долей условности, поскольку он не может быть предъявлен к собственнику вещи. Автор присоединяется к ученым (К.И. Скловский, В.А. Коновалов, А.Д. Рудоквас), отстаивающим необходимость восстановления полноценной системы защиты владения в действующем праве.

На наш взгляд, опыт развития европейской цивилистической традиции показывает, что «трехуровневая» система юрисдикционной защиты владения (защита владения как факта, защита добросовестно приобретенного владения, защита владения собственника или иного обладателя вещного права посредством классической виндикации) наиболее адекватно отвечает задачам правового регулирования развитого оборота. Выпадение хотя бы одного из звеньев этой цепи невозможно компенсировать расширением сферы применения других инструментов юридической защиты владения, сконструированных на иных доктринальных основаниях. Между указанными элементами существует тесная внутренняя связь, выражающаяся в том, что во всех трех случаях защите подлежит законный интерес владельца в недопущении самоуправных действий в отношении вещи. При этом охраняемый законом интерес владельца может быть связан с вещным правом (упрощенная оперативная защита владения собственника или обладателя иного вещного права), предшествовать возникновению вещного права (защита добросовестно приобретенного владения) либо вовсе носить самостоятельный характер по отношению к вещному праву (защита фактического владения).

Применительно к российскому гражданскому законодательству, содержащему два последних уровня владельческой защиты, следует

«замкнуть цепь» посредством введения первого уровня юрисдикционной защиты – защиты владения от насильственных самоуправных посягательств, построенного по модели деликтного правоотношения, где будет защищаться любое владение (титульное и беститульное) как факт. Для данного иска надлежащим ответчиком будет то лицо, которое самоуправно захватило или нарушило чужое владение.

Таким образом, для полноценной защиты владения необходимо построение системы защиты, состоящей из целого ряда правовых средств. В частности, следует выделить способы, направленные на активную защиту владения. К ним относятся, во-первых, право владельца на самозащиту владения от постороннего посягательства; во-вторых, исковые средства защиты владения, направленные на устранение нарушений владения и восстановления прерванного владения. Роль исковых средств должны играть владельческие иски, которые могут стать удобным защитным средством в случаях: а) если собственник затрудняется представить доказательства своего права и поэтому не может участвовать в качестве истца в виндикационном или негаторном споре; б) если в отношении владельца не истек давностный срок, а собственник вещи самоуправно нарушает владение вещью.

Не менее важными для построения полноценной системы владельческой защиты представляется закрепление способов пассивной защиты владения. Помимо активной самозащиты владелец имеет право на принятие некоторых защитных мер превентивного характера для защиты владения от посягательств (возведение охранных сооружений, установка охранных систем, принятие прочих мер для предотвращения нарушений владения). Такие меры также должны быть соразмерны и сообразованы с требованиями закона. Кроме того, к пассивной защите владения следует отнести возражения владельца о добросовестности приобретения владения (ограничение виндикации) и приобретении права собственности на вещь, являющуюся предметом спора. Право собственности в этой ситуации может возникнуть как следствие истечения срока приобретательной давности либо вследствие приобретения права собственности от неуправомоченного отчуждателя.

Введение полноценной системы защиты владения в российское гражданское законодательство позволит не только удовлетворить потребности гражданского оборота, но и в конечном итоге упрочит положение собственника.

В Заключение излагаются основные выводы и предложения, раскрывающие авторское видение решения задач, поставленных им в

качестве концептуальных границ для достижения цели диссертационного исследования.

**Основные положения диссертации опубликованы
в следующих работах автора:**

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертации:

1. *Иванов С.А.* Способы защиты владения / С.А. Иванов // Общество и право. 2011. № 2. (0,35 п.л.).
2. *Зелюка П.А., Иванов С.А.* Суперфиций и эмфитевзис в гражданском праве: история и современность / П.А. Зелюка, С.А. Иванов // Общество и право. 2011 № 2. (0,4 п.л.).
3. *Иванов С.А.* О юридической природе оснований защиты владения / С.А. Иванов // Современное право. 2011. № 6. (0,32 п.л.).

Статьи в иных изданиях:

4. *Иванов С.А.* Сущность и значение давностного владения / С.А. Иванов // Субъекты современных правоотношений: теория, законодательство, практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. В.С. Песоцкий, А.М. Соловьев, И.А. Уваров. Нивинномыск : НГГТИ, 2010. (0,35 п.л.).
5. *Иванов С.А.* Категория «владение» в дореволюционном гражданском праве / С.А. Иванов // Вестник Института им. Россинского. Краснодар : изд-во Ин-та им. Россинского. Вып. 24. 2009. № 4(12). (0,2 п.л.).
6. *Иванов С.А.* Нормы о владении в зарубежном гражданском праве / С.А. Иванов // Вестник Института им. Россинского. Краснодар : изд-во Ин-та им. Россинского. Вып. 24. 2009. № 4(12). (0,2 п.л.).
7. *Иванов С.А.* Владение как фактическое состояние / С.А. Иванов Новороссийск, 2010. (0,25 п.л.).
8. *Иванов С.А.* К вопросу о сущности владения в гражданском праве / С.А. Иванов // Власть Закона. 2011. № 1. (0,35 п.л.).
9. *Иванов С.А.* Владение в современном российском гражданском праве / С.А. Иванов // Актуальные проблемы частноправового регулирования : Материалы Всероссийского IX научного форума, посвященного 40-летию создания юридического факультета и 10-летию образования кафедры гражданского и предпринимательского права. Самара, 2011. (0,2 п.л.).

Иванов Сергей Александрович

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Сдано в набор 16.05.2011. Подписано в печать 16.05.2011. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типогр. № 2. Печать офсетная. Гарнитура Times Roman.
Усл. печ. л. 1,51. Уч.-изд. л. 1,48. Заказ . Тираж 100 экз.

